

То ли из-за того, что врачи выбрали сильные и быстродействующие препараты с серьезными побочными эффектами, но химиотерапия далась Си Юэ невероятно тяжело. Он сидел на больничной койке, лениво ковыряясь в контейнере с обедом. Еда казалась ему совершенно безвкусной, словно он жевал безжизненный пластик. Тань Нунъин заказывал эти блюда в лучших ресторанах округа, тщательно сверяясь с диетическим меню, составленным врачами. Обеды наверняка были великолепными, но Си Юэ больше не различал вкусов.

Прежде столь разборчивый в еде, способный взбодриться от одной лишь мысли о вкусном ужине, теперь он воспринимал каждый прием пищи как изощренную пытку.

"Всё, больше не могу, — пожаловался Си Юэ. — Это, черт возьми, просто невыносимо".

"Неужели мы наконец нащупали твой предел?" — отозвался Сань-Сань.

Си Юэ промолчал.

"Да ладно тебе, не переживай, — попытался утешить его системный помощник. — Жить тебе осталось всего ничего. Скоро раковые клетки метастазируют по всему организму".

Си Юэ завис на пару секунд:

"Э-э... с-спасибо?"

"Не за что, обращайся. Это мой долг", — со всей серьезностью ответил Сань-Сань.

Спустя некоторое время в палату вошел Тань Нунъин. Его взгляд упал на нетронутый контейнер с обедом, сиротливо стоявший на тумбочке. Он молча смотрел на него несколько секунд, а затем едва заметно поджал губы.

Хотя Бафф «Блокировка боли» блокировал прямую боль, изматывающее бессилие и слабость, пришедшие вслед за химиотерапией, отключить было невозможно. Большую часть дня Си Юэ проводил в постели, почти не в силах пошевелиться. Даже простая попытка полистать ленту в телефоне требовала от него колоссальных усилий, не говоря уже о работе.

Его жизнь превратилась в монотонный, изнуряющий круговорот сна и редких попыток поесть. Си Юэ угасал на глазах. Изнуренный болезнью, он лежал на подушках, он пугал мертвенной бледностью, а его губы совсем обескровели. В полуприкрытых красивых глазах больше не было привычного ленивого лукавства и таинственной глубины. Теперь в них читалась лишь изнурительная болезнь.

Тань Нунъин часами просиживал у его постели, пытаясь отвлечь разговорами. Си Юэ тихо слушал, изредка слабо улыбался в ответ и что-то шептал пересохшими губами — голос его стал настолько тихим, словно мог рассеяться от малейшего дуновения ветра. И часто, не дослушав

фразу, он снова проваливался в тяжелое забытие.

В такие минуты Тань Нунъин замолкал. Он подолгу сидел в тишине, не отрывая взгляда от осунувшегося лица, и порой испуганно проверял, дышит ли Си Юэ. Тот казался настолько хрупким, словно мог уйти в любой момент. Просто уснуть и больше никогда не открыть глаза.

Его организм вел отчаянную борьбу: Си Юэ мучили постоянные приступы рвоты и тяжелейшее расстройство желудка, из-за чего врачам приходилось непрерывно ставить капельницы, спасая его от обезвоживания. Время от времени сквозь ментальные блоки пробивались отголоски физических страданий — тело внезапно покрывалось липким холодным потом, а из-за резких судорог в мышцах он порой резко вскидывался на постели, пробуждаясь от мучительного сна. Это была естественная реакция истощенного тела, достигшего крайнего предела выносливости.

Лечащий врач, навещавший Си Юэ, знал истинную цену его молчания лучше всех. За свою многолетнюю практику он повидал сотни тяжелобольных пациентов, но каждый раз, глядя на этого юношу, чувствовал, как сжимается сердце. Доктору было трудно представить, откуда в таком хрупком теле берется столь невероятное упрямство. Си Юэ переносил тяжелейшие процедуры с поразительным стоицизмом — ни одной жалобы, ни единого стога. На его бледном лице невозможно было прочесть и следа тех терзаний, которые разрушали его изнутри. Такая несгибаемая воля заставляла опытного врача содрогаться от глубокого уважения.

Всего за неделю Си Юэ потерял больше пяти килограммов. Актеры и так жестко следят за весом, поэтому стремительное похудение мгновенно превратило его в бледную тень. Черты лица обострились, ключицы угрожающе проступили сквозь тонкую ткань пижамы — он исхудал почти до неузнаваемости.

Сян Чжуншань так и не объявился. Он словно сквозь землю провалился, будто этого человека никогда и не существовало в жизни Си Юэ.

Тань Нунъин окончательно забросил работу, отменив все съемки и встречи. Большую часть времени он проводил у постели друга, молча созерцая его угасание. Он смотрел на Си Юэ с отчаянной, жадной нежностью, словно пытался запомнить каждую черточку его лица, пока не стало слишком поздно. И часто в этой звенящей больничной тишине он невольно прослезился.

Исчезновение Си Юэ на самом пике популярности не могло остаться незамеченным. Вопросы, слухи и домыслы росли как снежный ком, и агентство, взвесив все за и против, наконец решилось сделать официальное заявление. Новость о тяжелой болезни восходящей звезды разорвала медиапространство подобно грому среди ясного неба. В тот же день имя Си Юэ мгновенно возглавило главные тренды социальных сетей.

Чтобы пресечь грязные спекуляции, компания опубликовала одну-единственную фотографию.

Снимок был сделан в первые дни госпитализации: Си Юэ сидел на больничной койке в просторной пижаме, которая казалась слишком большой для его исхудавшего тела. В руках он держал раскрытую книгу, а из окна на него падал мягкий золотистый свет утреннего солнца. Юноша смотрел прямо в объектив, слабо и обезоруживающе улыбаясь.

В этом золотом свечении его утонченные черты казались неземными. Проступающая бледность не портила его, а лишь придавала облику трагическую, почти ангельскую красоту. Он выглядел как прекрасный небожитель, готовый вот-вот раствориться в воздухе, оставив смертным лишь свою тихую, исполненную кротости улыбку.

Этот снимок был сделан давно. Сейчас у Си Юэ не нашлось бы сил даже на то, чтобы просто удержать в руках книгу.

Публикация вызвала шквал эмоций. Поклонники буквально обезумели от горя: комментарии заполнили миллионы плачущих смайликов и искренних пожеланий скорейшего выздоровления. Тысячи людей молились за его жизнь, проклиная несправедливость — почему именно сейчас, когда он наконец вырвался из забвения и заслужил счастье, судьба нанесла такой жестокий удар? Конечно, находились и редкие злопыхатели, пытавшиеся язвить, но их голоса тут же тонули в яростном потоке фанатского гнева.

Си Юэ читал эти сообщения на телефоне, и на душе у него становилось тепло.

Но чуда, на которое все так надеялись, не произошло.

Результаты очередного обследования оказались неутешительными. Очаги болезни не только не уменьшились, но и дали обширные метастазы. Раковые клетки начали стремительно поражать соседние органы.

После консилиума в кабинете врача повисла тяжелая, удушающая тишина.

Когда доктор ушел, Тань Нуньин не выдержал. Он больше не мог спокойно смотреть на медленную смерть Си Юэ и мириться с бессилием медицины. В его груди зрело отчаянное желание ухватиться за любую, даже самую призрачную соломинку — пусть даже ради этого придется унижаться перед Сян Чжуншанем.

Он пристально посмотрел на Си Юэ, и в его взгляде отразилась вся та невыносимая боль, которую он копил в себе неделями.

— Позволь мне связаться с Сян Чжуншанем, — глухо произнес Тань Нуньин. — Пусть приедет. Хотя бы просто посмотрит на тебя... Я же знаю, что ты всё еще любишь его.

Си Юэ растерялся, не зная, что ответить. В словах друга звучала такая искренняя, щемящая забота — Тань Нуньин дорожил его жизнью куда больше, чем сам Си Юэ.

В конце концов Си Юэ лишь слабо покачал головой:

— Не нужно. Не трать время попусту. Неужели ты еще не понял, как сильно он меня презирает?

Прошрое отношение Сян Чжуншаня говорило само за себя. Те пресловутые девяносто пунктов лояльности системы казались теперь какой-то глупой ошибкой. Насколько же сильно этот человек должен был ненавидеть его, чтобы хладнокровно вычеркнуть из жизни в такой момент?

Си Юэ старался не думать об этом все последние дни, но сейчас, когда правда обрела форму слов, в его груди шевельнулась тихая, настоящая обида.

Сян Чжуншань долго блуждал в глухом, вязком тумане. Сознание то возвращалось к нему, то вновь угасало, оставляя лишь зыбкие, бессвязные ощущения от окружающего мира. Время для него потеряло всякий смысл.

Его разум парил в бездонной пустоте, окруженный бесконечным вихрем обрывочных воспоминаний. Он был заперт в этом лабиринте иллюзий, не в силах пошевелиться.

Любой другой человек давно сдался бы и растворился в небытии. Но Сян Чжуншаня удерживала одна-единственная мысль, упрямая и ясная: он должен завершить какое-то важное дело. Он обязан найти кого-то. Ведомый этим отчаянным стремлением, он упорно пробивался сквозь пелену безумия.

Сян Чжуншань резко открыл глаза. Инстинктивная потребность контролировать всё вокруг заставила его мгновенно сесть на постели. В ту же секунду голову пронзила острая вспышка боли, перед глазами поплыли темные круги, а очертания предметов двоились. Оглядевшись, он понял, что находится в собственной спальне.

Затяжной морок наконец отступил. Он снова стал прежним собой — расчетливым и властным главой корпорации.

Сян Чжуншань потерял виски, пытаясь восстановить хронологию событий. В памяти роились странные, хаотичные образы, больше похожие на отголоски безумного сна — ухватиться за них не получалось, и он безжалостно отбросил эти видения, сосредоточившись на реальных воспоминаниях. Из головы не выходило ощущение, что он упускает нечто важное.

Последнее, что он помнил со всей отчетливостью... Си Юэ! Именно он спас его, подставившись под укус ядовитой змеи. Кажется, Бай Цин позже уверял его, что юноша вне опасности и идет на поправку.

Но почему при одной мысли о Си Юэ сердце вдруг зашлось в бешеном ритме? Словно чья-то тонкая, но властная рука крепко сжала его душу, заставляя замереть от пронзительного, сладкого трепета. Это не было болью — лишь теплая, томительная дрожь, медленно разливающаяся по венам.

Чувство было совершенно новым, но в то же время до боли знакомым и близким, будто он наконец вернул себе давно потерянную часть души. Словно в этом долгом сражении с невидимым внутренним зверем он сумел разорвать невидимые оковы и обрел подлинную свободу.

Сян Чжуншань замер, прижав ладонь к груди.

Что это за странное наваждение?

Внезапная догадка озарила его разум четким, неоспоримым знанием.

Это любовь.

Словно за время своего беспамятства он пробудил в себе дремавшую доселе силу. Огромное, неудержимое чувство затопило его существо, застав врасплох своей мощью.

Немного придя в себя, Сян Чжуншань поднялся и пошел умываться. Взглянув в зеркало, он ошеломленно замер: его отражение улыбалось. Мужчина, чье лицо всегда отличалось суровостью и непроницаемостью, сейчас улыбался — мягко, искренне и совершенно естественно.

Стоило ему подумать о Си Юэ, как он сам не заметил, как улыбнулся.

Раньше он тоже выделял юношу среди других, ревновал его, замирал от восторга, слушая его песни, хотел заботиться и заглаживать вину... но те чувства были лишь бледной тенью нынешней бури. Сейчас Си Юэ стал для него тем самым легким взмахом крыльев бабочки, который вызвал в его душе настоящий ураган.

Наконец-то он понял, что значит любить.

Улыбка так и не сошла с его лица. Раз уж он наконец осознал свои чувства, то сделает всё, чтобы вернуть Си Юэ. Он окружит его такой заботой и теплотой, что парень забудет все прошлые обиды.

По дороге в офис Сян Чжуншань ловил себя на непривычной легкости в каждом шаге. Человек, который никогда в жизни никого не завоевывал, уже мысленно перебирал десятки сценариев того, как растопить сердце любимого.

Что нравится Си Юэ? Цветы? На одном из первых свиданий он подарил ему огромный букет роз — настолько большой, что из-за охапки бутонов виднелись лишь сияющие, восторженные глаза юноши.

Сян Чжуншань невольно покачал головой. Наверное, эти банальные жесты покажутся Си Юэ глупыми. Впрочем, неважно. Он готов учиться. Он позволит Си Юэ направлять его и станет самым лучшим, самым преданным возлюбленным.

Сотрудники компании, сталкиваясь с боссом в коридорах, бледнели и испуганно прижимались к стенам. Стоило Сян Чжуншаню пройти мимо, как за его спиной начинался лихорадочный шепот. Люди переглядывались в полнейшем шоке: «Вы видели? Господин Сян улыбается! Что вообще происходит?!»

Все сплетни в офисе в этот день крутились исключительно вокруг необъяснимого преобразования генерального директора.

Поднявшись на свой этаж, Сян Чжуншань направился к кабинету, но в приемной его ждал неожиданный гость.

На диване сидел Тань Нунъин. Он выглядел ужасно: осунувшееся лицо серого оттенка, воспаленные от недосыпа глаза и глубокие тени под ними выдавали крайнюю степень истощения.

Заметив вошедшего, Тань Нунъин медленно поднялся. Он посмотрел на главу корпорации в упор и произнес глухим, лишенным эмоций голосом:

— Си Юэ умирает. Ты действительно не собираешься его навестить?

Сян Чжуншань мгновенно окаменел, а в мыслях воцарилась звенящая пустота.

<http://bllate.org/book/20101/2038679>